

ИСТОРИЯ

УДК 94 (47)

БРАТЧИНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.М. СОЛОВЬЁВА (К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ)

© 2010 г.

Ф.А. Дорофеев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

feddor70@mail.ru

Поступила в редакцию 29.12.2009

Рассматриваются идеи классика отечественной истории С.М. Соловьёва относительно древнерусских братчин. Утверждается, что сложившиеся в последующей историографии претензии к качеству выводов С.М. Соловьёва относительно природы братчины и её связи с последующими формами братств на данный момент несостоятельны.

Ключевые слова: религиозные братства, древнерусские братства, эволюция религиозных организаций, община.

В православной церкви издавна сложилась практика создания и успешного функционирования таких религиозно-общественных организаций, как братства. На настоящий момент нам точно известно о функционировании в наши дни в России, Белоруссии и Украине более 200 подобных объединений. Однако вопрос о генезисе сложившейся формы православного братства до настоящего времени остаётся малоработанным в отечественной историографии.

Большинство историков склоняются к мнению, что братства так или иначе происходят от древнерусских братчин. Именно братчины позволили исследователям найти самые древние элементы, заключающиеся в братствах, и проанализировать их. Первое документальное свидетельство о братчине мы находим в Ипатьевской летописи 1159 г. В сообщении летописца речь идёт о том, что жители Полоцка приглашали князя своего Ростислава на братчину (пир) к церкви Пресвятой Богородицы старой на Покров день: «...начаша Ростислава звати льстью оу братьщину къ ст҃ѣи Бци къ Старши, на Петров д҃нь, да ту имуть и...» [1]. Слово «братчина» происходит от наименования пира, устроенного вскладчину [2, с. 108] (на который и приглашал князя полочане)¹.

Догадку о связи братчины и братства можно проверить и по авторитетным словарям: «Братчина – товарищество, круг, братство...; брат-

чины – складчины, ссыпчины, праздник на общий счёт, называемый и братовщиною, братовщинками; пикник; у крестьян на масляне, в осенины, на кузьминки (три первые дня ноября) или в михайловщину, николющину (6 сен., 6 дек.) и в храмовый праздник. Обруселая мордва и другие чудские народы тоже любят братчины: в огромных чанах, навсегда поставленных за селом, в овраге и близ воды варят на общий счёт пиво, стряпают яичницу, пьют, пляшут и гуляют. Местами бабьи или девичьи ссыпчины зовут братчиною (ниж. ветл.). На пир и братчины незваны ездят. Братчина судит, ватага рядит» [3, с. 124]. Известная чаша – братина – также имеет этимологию своего названия, подтверждающую братский характер некоторых народных пиршеств: *Братина* – сосуд в котором разносят пития, пиво на всю братию; ...большой бокал, который обходит вкруговую [4]; русский шаровидный сосуд для напитков (мёда, пива), употреблявшийся на братчинных пирах... на поминках [5]. Существовал и особый термин для братских напитков – *Братинное пиво*. Интересно, что слова с начальным слогом *бра...* имеют самое близкое отношение и к пирам, и к братским отношениям. Так, например, *Брага* – бродить (кимвр.: *brag* – солод), *Бражничать* – пировать. *Брашно* – (ср. борошно (юж.) – ржаная мука) яство, пища, кушанье. *Брак* – ...вообще пиршество, почётное угощение (от брашно?): ...родис# с҃нь оу ...Всеволода въ

Соуждали... и быт радость велика... и створи бракъ великъ Всеволодъ [6]; «Въсхотъ бракъ створити ему (Св. Борису) (Нестор Бор. Глеб 11)» [3, с. 122].

В том, что братчина является предшественником братства, не сомневались уже историки XIX века. Это мнение стало настолько распространённым, что оно нашло своё отражение и в энциклопедии Брокгауза и Эфрона: *«Братства в своем развитии прошли несколько ступеней. По своей основе и своему происхождению это учреждения одного типа с древними северо-восточными братчинами. Подобно братчинам, братства... сосредотачивались вокруг приходского храма, о благоустройстве коего заботились и престольный праздник которого справляли особенно торжественно»* [7]. Но действительно ли «братство и братчина выражают одно и то же учреждение» [8, с. 303]?

Своё несогласие с этим положением известный советский украинский исследователь братств Е.Н. Медынский выразил следующим образом: *«С.М. Соловьёв считал, что братства Юго-Западной Руси ведут своё начало от древне-русских организаций – "братчин", существовавших в Новгороде, Пскове и других городах... что является одним из следствий великодержавной националистической концепции С.М. Соловьёва и концепции его ученика В.О. Ключевского, которые отрицали национальные права украинского и белорусского народов... Соловьёв... игнорировал в угоду своей теории существенные различия условий существования и развития Северо-Восточной Руси и Украины и Белоруссии. Братства XVI–XVII веков, существовавшие на территории польско-литовского государства, были совершенно иным явлением, нежели древнерусские братства, не испытавшие религиозно-национального гнёта... Соловьёв пренебрёг даже хронологическими соображениями. Древнерусские братства существовали в XII–XIII веках и ранее. Первые же украинские братства... возникли... только в XV веке... О преемственности с северо-восточными братствами при почти двухвековом перерыве говорить не приходится»* [9, с. 8]. Что можно возразить на эти доводы? Можно ли с ними согласиться?

Для объективного ответа на эти вопросы возникает необходимость снова обратиться к трудам классика русской истории С.М. Соловьёва, который отличался скрупулёзностью в работе и цитировании древних источников.

Соловьёв в своих работах уделяет братствам и братчинам достаточно внимание, хотя и не занимается специально вопросами эволюции братств. Братчины упоминаются по разным по-

водам на страницах его основного труда «История России с древнейших времён» в 10 главах девяти различных томов. Им же посвящена специальная статья С.М. Соловьёва, опубликованная в журнале «Русская беседа» [2]. Братчины приводятся им и в обзорной работе «Начала Русской земли» как одна из важнейших составляющих этих начал, что подтверждает лишний раз важность разбираемого нами вопроса.

Если внимательно вчитаться в тексты классика, то можно увидеть, что большинство вышеприведённых претензий Медынского носят надуманный характер.

Действительно, *«братства XVI–XVII веков... были иным явлением»*. Это был новый этап развития братств, а не братчины в чистом виде. Понимал это и С.М. Соловьёв, хотя и не вводя для этого специальные термины, но разделяя в своём исследовании различные виды братств: *«братчина Восточной Руси и братство Западной в начале было одно и то же учреждение, которое в разных местах имело разные степени развития: в областях... Московского государства наименьшую, в Пскове и... Новгороде большую, а в Западной Руси наибольшую»* [2, с. 117].

Свой вывод Соловьёв делает на основе сличения многочисленных документальных известий. Что же касается национальных прав украинского и белорусского народов, то сами братчины XVI–XVII веков называли себя «народом русским» [2, с. 115; 10, с. 283–284], защищали «веру русскую». Русскими их называли в своих документах и король [11] и латинское духовенство [12, с. 23]. Великодержавной же назвать эту концепцию можно лишь подразумевая, что и в Юго-Западной и в Северо-Восточной Руси русские люди жили по одним и тем же законам и обычаям и что в различных концах державы одинаковые предпосылки привели к одинаковым последствиям.

Что же касается «хронологических соображений» Медынского, то тут мы, доказывая преемственность братств и братчин, можем привлечь как прямой, так и косвенный материал. На первый взгляд, от XIV и XV веков до нас дошли весьма скудные документальные свидетельства по интересующей нас теме. Но даже того, что имеется в наличии, достаточно, чтобы подтвердить правоту Соловьёва. Например, привлекая свидетельство Алексея Александровича Папкова, мы можем сделать заключение о долгом и повсеместном существовании братств в Великороссии: *«Эти церковно-приходские союзы являлись... отнюдь не случайными и редкими явлениями в нашей древнерусской жизни,*

а напротив, повсеместно составляли как бы неизбежную и характерную принадлежность древнерусского быта... Мы видим такие братчины повсюду: в землях Новгородских, Псковских, Московских, Полоцких и прочих частях Западной России; в городах Владимире, Угличе, Ярославле, в крестьянском быту и у горожан Белозерского края... у рыболовов Переяславских, ...в крае Онежском, у горожан Устюжских, в волостях двинских (у Холмогоров, Унян, Ненокшан), у разных дворцовых и монастырских крестьян» [13, с. 395].

Существование даже классических братчин не ограничивается XII–XIII веками. В работе Соловьёва, посвящённой братчинам, есть ссылка на письмо Великого князя Московского Василия Васильевича, в котором и сами братчины, и их особые права упоминаются как существующие в 1453 году [2, с. 110; 14, с. 603–604]. Из текста первой главы шестого тома «Истории России с древнейших времён» можно заключить, что братчины существовали как распространённое явление и в 1536 году². В пятой главе тома девятого того же сочинения мы видим, что братчины упомянуты и под 1636 годом³. Папков же приводит свидетельства в пользу существования древнерусских братчин ещё и в XVII веке [13, с. 394]. Фиксируется существование братчин и в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля [3, с. 124], как современного ему явления. Более того, и «в конце XIX века на Российском Севере... устраивались братчины и жертвоприношения... у придорожных часовен» [15, с. 40].

С другой стороны, относить возникновение «украинских» православных братств «только к XV веку» также нет достаточных оснований. «Здається, подібні організації існували в тій або іншій формі у всіх православних народів». – пишет о братчинах «видатний український вчений» Иван Огієнко (1882–1972) в своей работе «Українська церква» [16]. Признанного знатока братств Я.Д. Исаевича также нельзя удивить древними украинскими «братчинами — об'єднаннями для відзначення храмових празників, які, починаючи з XII ст., відомі в окремих містах на півночі Київської Русі» [17]. Что касается последних свидетельств, то они, к сожалению, лишены ссылок на источники, из которых упомянутые исследователи черпали свои знания. В связи с этим можно констатировать, что в работах Огиенко и Исаевича, так же как до них у Медынского, любимые авторами идеологемы зачастую отодвигают на второй план научные исторические построения. То есть мысль в этих произведениях

зачастую направляется политикой, а не исторической истиной.

Оригинальную концепцию, частично снимающую сам предмет рассматриваемого спора, выдвигает украинская же исследовательница Ефименко. Она вообще отрицает правильность хронологии возникновения братств, устанавливаемых некоторыми историками на основе документальных данных: «Пишуцие о братствах имеют обыкновение ничтоже сумняшеся обозначать самым точным образом год возникновения каждого братства». Она имеет в виду, что это год либо дарования ставропигии, либо утверждения или смены устава, либо год подтверждения королём прав братства, существовавшего ещё при его предшественниках, «или что-нибудь в этом роде, не имеющее ничего общего с первоначальным основанием братства» [Цит. по: 9, с. 14]. Прочитав статуты братств и другие многочисленные документы, касающиеся их деятельности, можно убедиться, что Ефименко в этом абсолютно права. Более спорно, конечно, её следующее вслед за этим утверждение о том, что «не только год, но даже примерную эпоху возникновения того или иного братства мы не имеем никакой возможности определить – чаще всего она, вероятно, совпадает с образованием самого поселения, в котором появляется братство» [9, с. 14].

Подводя итог рассмотрению братчин как начального звена эволюции православных братств и отражению этой гипотезы в творчестве С.М. Соловьёва, можно заметить, что именно он поднял на академический уровень рассмотрение братского вопроса, поставленного А.Н. Поповым в 1854 году [18]. Отличаясь тщательностью в подборе, анализе и цитировании древних источников, Сергей Михайлович заложил несколько возможных путей развития темы братчин, большинство из которых всё ещё ждут своих разработчиков. Что же касается эволюции братчины, то, на наш взгляд, именно она, неся в себе народные начала, окажется тем стержнем, на который и будут нанизываться прочие элементы, придавая тем или иным формам братств различные функции. Анализ главных особенностей братчины показывает, что в основе жизни славян лежат родовые и общинные отношения. Родство по крови постепенно уступает место «родству по пище». В течение многих веков видное место в формировании мировоззрения славян занимали традиции общины. Рассмотрев идеи С.М. Соловьёва касательно братств и братчин в контексте современной русской и украинской историографии, мы неизбежно приходим к выводу о значимости и сохраняющейся актуальности его на-

работок по данному вопросу. Претензии к качеству даже первичных выводов С.М. Соловьёва относительно братчины на данный момент несостоятельны.

Примечания

1. В то время в Полоцке боролись две группировки: одна стояла за Ростислава Мстиславича, а другая – за Рогволода Борисовича. Последняя и пригласила Ростислава «лестью» на братчину. Ростислав явился на пир в кольчуге под одеждой. См.: Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 759. Интересно, что в Полоцке с 2002 года существует кафе «Братчина» (ул. Ленина, 22).

2. «В 1536 году дана была уставная грамота старостам и всем людям Онежской земли, сходная с уставною грамотою Белозерскою Иоанна III и уставною артемоновским крестьянам Василия Иоанновича... В Белозерской грамоте говорится: тиунам и наместничьим людям на пир и на братчину незванным не ходить; в Онежской – тиуну и другим наместничьим людям на пир и на братчины незванным не ездить, кроме доводчика...» // Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Сочинения в 18 книгах. Кн. 3. Т. 5–6. М.: Мысль, 1988. С. 407.

3. «В 1636 же году царь писал к строителю Павлова Обнорского монастыря: «Ведомо нам учинилось, что в Павлове монастыре многое нестроение, пьянство и самовольство, в монастыре держат питье пьяное и табак, близ монастыря поделали харчевни, и бани, брагу продают; старцы в бани и харчевни и в волости к крестьянам по пирам и по братчинам к пиву ходят беспрестанно, бражничают и бесчинствуют, и всякое нестроение чинится» // Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Сочинения в 18 книгах. Кн. 5. Т. 9–10. М.: Мысль, 1988. С. 306.

Список литературы

1. Ипатьевская летопись 1159 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 495.

2. Соловьёв С.М. Братчины // Русская беседа. 1856, кн. 4.

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 1.

4. Толковый словарь русского языка / Ушаков Д.Н. М., 1935. С. 183.

5. Братина // БСЭ. 3-е изд. Т. 4. М., 1971.

6. Срезневский И.И. Словарь Древнерусского языка. М., 1989. С. 165; Ипатьевская летопись 6695/1187 г. // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 659.

7. Церковные братства // Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Т. 38 (75). 1903. С. 99.

8. Беляев И. Полоцкая православная Церковь до Брестской унии // Православное обозрение. 1870. Янв. – февраль.

9. Медынский Е.Н. Братские школы Украины и Белоруссии в 16–17 вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954.

10. Тальберг Н. История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959 (репринт Псково-Печёрский монастырь, 1994).

11. Окружная королевская грамота православному духовенству и мирянам с убеждением их принять унию 15 декабря 1596 года // Уния в документах. Минск, 1997. № 34. С. 147–150.

12. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М., 1996. Т. 5.

13. Папков А. Древнерусский приход // Богословский вестник. 897. III. Отд. 2.

14. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Сочинения в 18 книгах. Кн. 2. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988.

15. Орфинский В.П. Народное деревянное культовое зодчество Российского Севера: истоки развития // Народное зодчество. Петрозаводск, 1992. С. 40.

16. Огієнко І.І. Українська церква: Нариси з історії Української православної церкви: У 2 т.: Т. 1–2. К.: Україна, 1993. 284 с. Розділ VIII. Українські церковні братства, їх діяльність та значення. url = <http://litopys.narod.ru/ohienko/oh08.htm>

17. Ісаєвич Я.Д. Братства та їх роль у розвитку української культури XVI–XVIII ст. Київ, 1966. См.: url = <http://izbornyk.narod.ru/istkult2/ikult237.htm>

18. Попов А. Пирь и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России изд. Н. Качаловым. М., 1854. Кн. 2. Пол. 2. С. 19–41. Цит по: Старкова Ю.Ю. <http://www.paganism>.

CONFRATERNITIES IN S.M. SOLOVYOV'S WORKS (ON THE GENESIS OF ORTHODOX BROTHERHOODS)

F.A. Dorofeev

Some ideas of S.M. Solovyov concerning the nature of Old Russian bratchinas (confraternities) are considered. It is stated that the criticism waged by historiographers of a later period at S.M. Solovyov's conclusions concerning the bratchinas and their connection with all subsequent forms of brotherhoods is currently untenable.

Keywords: religious brotherhoods, Old Russian brotherhoods, evolution of religious organizations, community.

[ru/feast.htm](#)